

Нам не понять — мы не любили

Василий Аксенов. Московская сага. Трилогия. М., Текст

Андрей Немзер

а

Аксенов всегда хотел быть читаемым писателем. Массовым, любимым, своим в доску. Тем самым, которому пишут благодарные письма люди, узнавшие себя в симпатичных, веселых, негиббемых, красивых неудачниках или счастливых. Тем самым, что вспоминается в минуту жизни трудную перед одиноким выходом на дорогу. Тем самым, что ободряет без наставительности и иронизирует без злорадства. Правдивым сказочником, целомудренным похабником, хохочущим пессимистом, американским москвичом, интеллектуальным простягой, модернистским классиком, нераскаянным традиционалистом.

Быть популярным для Аксенова значит быть собой. Он не подыгрывал читательским вкусам, а формировал их, не имитировал языковые вольности, а расковывал интеллигентскую речь, попутно (на живых примерах) объясняя простецам, как, в сущности, нетрудно быть умным и образованным. Делай как я — и все устанет. Милиционеры умеют любить, спортсмены грустить, писатели нырять, а жулики сеять разумное, доброе, вечное. Все мы, кроме откровенных гадов, отличаем добро от зла, согрешив — каемся, предпочитаем не врать без крайней необходимости, верим в жизнь, которая впереди, и знаем про хвост, который позади. Ничто не вечно на полпути к луне. Боль от ожогов проходит — поиски жанра продолжаются. Нарру end неизбежен, как дембель, ликвидация Союза писателей и впадение Волги в Черное море.

Аксенов должен был написать «Московскую сагу»: шестьдесят пять листов, от смерти Фрунзе до смерти Сталина, расстрелы, пиры, Манделштам в Тифлисе, генералы, лагеря, войны, футбол-хоккей, секс в неподобающих местах, тошнота, религиозное обращение, допросы, диверсии, заговоры, адюльтеры, салоны, парки, кабаки, раскулачивание, Евтушенко, автомобильные гонки, мат, мужская дружба, эх, как нас жизнь пораскидала: куда ни глянешь — все свои, сациви, секс в местах подobaющих, самоубийства, иностранцы, ночные страхи, метаморфозы, потомственные чекисты, хирурги, юга, севера, наследный принц Василий Сталин, история одной семьи, баланда, опять Шопен не ищет выгод, совслужащие, власовцы, аптека, Булгаков на дне рождения, ГРУ, испражнения, любовь с первого взгляда, письмо из лагеря, хлебниковский эпиграф, предательство ближних, синенький скромный платочек, гомосексуализм, картавый Симонов, барыня и денщик, сменовеховцы, походно-полевая жена, костел, троцкистская демонстрация, Берия и малолетки, ужасная судьба отца и сына, стыд, стрельба, родные люди вот какие, Сталин — тоже пациент, зубрежка перед экзаменом, мыслящие собаки, сегодня у Абхаши выходной, неназванный автор — мальчик из Казани, ядерный проект, древняя сень, как шли мы с тобою на борт в холодные мрачные трюмы, капризы беременной, кровная месть, депутат — отец двух эзков, театр начинается с Мейерхольда, бутылка вина — не

ИТАР-ТАСС

болит голова, похороны маршала, вос-торг минета, СМЕРШ не дремлет, Эренбург и поэтесса, кронштадтское восстание, американский свитер, Любовь Орлова, дело врачей, ширин-вырин, штык молодец — имеет место хороший конец.

Аксенов — любимый герой аэропор-товско-цэдээловского фольклора, пере-растающего (редко, но бывает) в фольк-лор общероссийский. Рассказывают, что в первый приезд после изгнания пи-сатель, встретив прототипа главного по-громщика из «Скажи изюм», отстранил-ся от протянутой руки. Великодушно простивший пасквильанта («Дует свежий ветер перемен») ликвидатор альманаха «Метрополь» якобы пробасил сквозь почвенную бороду: «Какой же ты, Вася, злой». Если что не так, прошу проше-ния у всех заинтересованных лиц. Бай-ка все равно гениальная. А лучше всего — финальная реприза, демонстрирую-щая кристальное непонимание Аксено-ва. В том то и дело, что Аксенов не про-сто добрый, а очень добрый. Потому и руки не подал. Потому и сочинил «Мо-сковскую сагу» с хорошим концом.

У нормальных людей — даже если они владельцы дачи в Серебряном Бору — все как-нибудь вытанцует. Про-стится героям, следственно, простится читателям. Напортачили, конечно, вы-ше крыши, пробы на нас негде ставить, все белые фраки в сталинском дерьме (один из ответственных эпизодов: глава рода, старый доктор Градов освобождает отца народов от мук многонедельно-го запора), а жизнь все равно продолжа-ется: солнце светит, верный пес резвит-ся, из тюрем выпускают, про умерших помним, людоеда больше нет.

У вас назрели претензии к советской пайковой интеллигенции, к депутатам Балтики и первого горбачевского съез-да? Правильные претензии. У Аксенова они сформировались несколько раньше (смотри «Ожог»). Только кому-то хочет-ся праведным гневом обеспечить себе амплуа единственного печальника горя народного, а Аксенов гнет обычную ли-нию: да, стыдно, да, паскудно, но люди же, живые, разные: обманывались, мух-

левали, геройствовали, трахались, песни пели, в тюрьмах сидели. Такие же, как вы. Богатые тоже платят. Чем значи-тельнее дистанция, тем яснее опозна-ются свои беды. Тем слаше горькое прощение. Тем легче шагать не то на-встречу солнцу, не то сквозь ледяную мглу, не то напившись до положения риз, не то трезвым как стеклышко.

Аксенов написал книгу утешения. С яркими красками, роковыми страстями, сюжетными завихрениями, масками ис-торических злодеев, лихими шуточка-ми, простодушными цитатами и напо-ром чувственности. Написал небрежно, разлаписто, не всегда подправляя кич иронией, не всегда удерживаясь от са-моповторов, жертвуя стилем, характе-рами, композиционной выверенностью, элементарным правдоподобием. Лишь бы жанр. Лишь бы кайф. Лишь бы проч-ли да приободрились.

Похоже, не прочтут. То есть прежние почитатели Аксенова поморщатся от у-пущений, стиливого раздолбайства, блу-да с реализмом (все это было в аксенов-ских «больших формах» всегда). Новая же публика вовсе не нуждается в про-щении и утешении. Кто-нибудь ляпнет про «Детей Арбата». Кто-нибудь про то, как не надо писать новую «Войну и мир». Не надо. Аксенов и не пишет. (И Гроссман, Максимов, Рыбаков етс. не писали. Между прочим, романы их не похожи не только на книгу Толстого, но и друг на друга.) Он пишет длинную сказку про живых людей. Слишком жи-вых. Таких, что не воспринимаются как сказочные герои.

«Московская сага» написана плохо. Электично. С постоянными вкусовыми провалами. Ненужным выпендрежем. И еще менее нужными прописями. В каж-дом абзаце ее чувствуется Аксенов. Не «старый Аксенов» вспоминается (эф-фект известный: так и должно быть при столкновении с неудачей мастера) — настоящий Аксенов присутствует. Не-делимый. Огромный. Напрывающийся. Умный. Интеллигентный без дураков. Очень добрый. Таких добрых теперь, кажется, не бывает.